

Ка Ти Лин

# TOXIC

I ENTERTAIN

К-РОР И ЕГО ДЕМОНЫ



# Ка Ти Лин Тэянг

*Текст предоставлен правообладателем*  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=69982186](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69982186)  
*Тэянг: роман / Ка Ти Лин: Росмэн; Москва; 2023*  
*ISBN 978-5-353-10396-7*

## **Аннотация**

Ли Син Хен – обычный парень из бедного района Сеула – с утра до ночи работает на подхвате в крошечном кафе. Единственная радость в его жизни – знаменитая на всю Корею К-POP-группа «Тэянг». Хен знает все песни группы наизусть и мечтает хоть раз увидеть ее участников живьем. Увы, шансы на это стремятся к нулю... До тех пор, пока одна удивительная встреча не дарит юноше надежду на исполнение самого заветного желания. Правда, за это придется заплатить немалую цену. Стоит ли мечта такой цены? Решать только Хену.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 7  |
| Глава 2                           | 23 |
| Глава 3                           | 37 |
| Глава 4                           | 51 |
| Глава 5                           | 69 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 75 |

# Ка Ти Лин Тэянг



*В соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 16+*



РОСМЭН

© Ка Ти Лин, текст, 2023

© Макет, оформление ООО «Росмэн», 2023

# Глава 1

## Славные парни



Угадаете, кто такое говорил: «Музыка? Знаю эту штуку, полный отстой»? Да никто в истории человечества! Музыка

нравится всем. Если бы я услышал, что кто-то ее презирает, я бы полез в драку – хотя ладно, вряд ли, это не в моем стиле. Но мысленно я был бы возмущен!

Из-за музыки я и влип в самую невероятную на свете историю. В ней есть магия, любовь, злодеи, одна потрясающая поп-группа и один молчаливый парень.

Молчаливый парень – это я.

Меня зовут Ли Син Хён, мне девятнадцать лет, и я из Сеула, прекраснейшего города планеты. Правда, мой район, Мапо-гу, прекраснейшим никто бы не назвал. Если честно, слово «бедный» было бы его точным описанием, но я слишком люблю его, чтобы обидеть таким грубым словом. Как пели «Тэянг», «дом там, где сердце».

Вообще-то моя любимая группа официально называется «*The Young*», но это звучит так похоже на слово «океан», что

все ее сразу так и начали называть: **대양**. Продюсерам даже пришлось сделать второй вариант логотипа на родном алфавите – хангыле и с изображением океанской волны.

Дела у «Тэянг» в то лето шли не лучше, чем у меня. Правда, я работал в две смены, чтобы заработать на еду и аренду квартиры, а они оставались мировыми звездами – но ведь я жил так всегда, а они за пару месяцев потеряли и солиста, и надежду отыскать нового.

– Сынок, ты слишком за них переживаешь, – сказала мама, когда я поделился с ней этими мыслями.

Мы сидели перед телевизором и ели чипсы, выуживая их палочками из гигантского пакета. Наверное, только бедные покупают все в огромных эконом-упаковках, но этой мыслью я с мамой делиться не стал. Я знал, что должен обеспечить ей достойную жизнь, а если не справляюсь, так себе из меня сын.

– Если бы только я умел петь, пошел бы к ним на кастинг, – вырвалось у меня, хотя я планировал оставить это своей страшной тайной. – Я бы как-нибудь пробился туда и...

– Ты отлично поешь, Хён. – Мама отвлеклась от телевизора и ласково глянула на меня. – Не нужна тебе вся эта популярность. Вон, один уже не выдержал.

Я уныло промолчал. Да, Кибома жалко, но популярность мне была очень нужна. Точнее, даже не она сама – хотелось быть успешным в чем-то еще, кроме нарезки овощей.

Из мрачных размышлений меня вывел будильник. Я его заводил, чтобы вовремя выйти на работу, – вдруг засну за сериалом. Наш с мамой распорядок дня можно было включить в учебник здорового образа жизни с подписью «Так не делайте». На работу я выходил в пять утра. Вообще-то кафе открывалось в семь, но босс требовал приходить заранее, а я от страха быть уволенным еще и согласился вместо него утром закупать овощи на рынке. Работал я до вечера, а потом заваливался спать. «Это Корея, детка: почувствуй вес экономических чудес», – гласит один рэп-трек. Нужно тру-

диться изо всех сил, чтобы оставаться на плаву. Особенно когда у тебя нет ни образования, ни жилья, ни... про главное лучше и не думать.

Мама возвращалась с работы на ночном складе в четыре утра, и я вставал, чтобы побыть с ней часик, пока она не ляжет спать, а я не убегу на работу. Мы просто ели и смотрели телик, но это был лучший час за день: я чувствовал, что кто-то меня любит, и мама, наверное, чувствовала то же самое.

Зевая, я ввалился в свой отгороженный шторкой угол комнаты, оделся попримечнее и коснулся кулаком кулака Пака на постере «Тэянг» – уже пять лет, с момента образования группы, он был моим любимым солистом.

Помните парня из фильма «Бойцовский клуб», которому от недосыпа всякое мерещилось? Вот это точно я: иногда у меня было чувство, что Пак слегка бьет мой кулак в ответ.

Тем летом ребята из «Тэянг» были главными ньюсмейкерами, так что мне даже на работе удавалось перехватить пару новостей о них.

– С вами вестник разбитых женских сердец! – забавлялся ведущий на телеэкране. – Страна продолжает следить за кастингом нового участника «Тэянг», но идут недели, а та самая рыбка до сих пор не попала в невод. У нашего любимого бойз-бэнда выдался трудный год – или, может, последняя пара лет? Пожелаем им успехов!

Далее – видеоряд под романтично-печальную музыку. Красивые юноши, пришедшие на кастинг. Вывеска продю-

серского центра «Ай-Интертэйн». Склоненные над списком кандидатов головы продюсера и каких-то двух женщин. Я делал вид, что продолжаю резать овощи, а сам пялился в экран.

– Уже достали с этой группой, – проворчал босс и переключил канал.

Я успел заметить, что девушка, которая завтракала за столиком у окна, тоже расстроилась, что перестали показывать «Тэянг». Когда она случайно встретилась со мной глазами, я улыбнулся и показал взглядом на телевизор. У нее был такой грустный вид, когда она заказывала кофе и жареный рис с яйцом, что захотелось хоть немного ее развеселить. Мне самому всегда становится легче, когда вижу таких же фанатов, как я.

Получилось! Девушка слабо улыбнулась и вдруг показала мне знак сердечка, переплетя пальцы двух рук между собой, – отличительный жест фанатов «Тэянг». Я воровато покосился на босса – вроде не смотрит, – отложил нож и, не снимая перчаток, повторил ее жест. Девушка рассмеялась, глаза у нее засияли, и в мире стало немного теплее.

– Хён! – гаркнул босс, и я подскочил так, что чуть нож себе на ногу не уронил. – Я тебе плачу за то, чтоб ты с посетителями заигрывал?

Я схватил нож и начал резать лук, глядя только на разделочную доску. Будь я похрабрее, обязательно сказал бы ему, что орать на сотрудников в кафе, где готовят на виду у публики, – не лучшая реклама заведения. Но вы наверняка встре-

чали парней, которые все время кланяются боссу и годами не могут попросить прибавку к зарплате? Вот, это снова я.

Прошло часа три, время завтрака сменилось обеденным, и тут я услышал самый интересный разговор за все годы работы в кафе.

Над дверью звякнул ловец ветра, и вошел грузный коротышка. Он заказал еду, ткнув пальцем в меню и не прерывая разговора по телефону. Я начал резать мясо для его бульгоги, одновременно прислушиваясь к тому, что он говорит. Развлечений у меня было мало, так что я проводил день-деньской, наострив уши: интересно же, о чем болтают посетители.

– Все не то! Как в «Тэянг», честное слово. – Ну, после этого слова я тем более не мог перестать слушать. – Мы посмотрели человек семь: кто поет убого, кто на лицо страшный, кто денег много хочет. Сегодня еще несколько парней глянем и сворачиваемся – если никто не подойдет, возьму из тех, кого на днях смотрели. Все, давай, я поесть зашел.

Заговорить с посетителем, да еще после утреннего окрика босса, было немислимо, но если я верно понял, этот человек...

– Господин, – неуверенно позвал я и согнулся в поклоне.

Поклон получился довольно кривой из-за того, что мужчина сидел в дальнем конце стойки, а я боялся отойти от разделочной доски. Мужчина поднял раздраженный взгляд, и у меня сердце ушло в пятки. Наглость, конечно, второе сча-

стве, но у меня с ней не складывалось.

– Простите, что беспокою. – Я не разгибался и не поднимал глаз, чтобы смягчить свою дерзость. – Но я случайно услышал... Вы набираете людей в музыкальную группу?

– Ищем солиста, – сурово ответил гость. – Как там мой бульгоги? Я спешу.

– Почти готово. Дело в том, что я пою, и... Я мог бы принять участие в кастинге?

Гость уставился на меня, нахмутив мохнатые брови. В американских фильмах про Голливуд работники кафе и пляжей иногда становятся актерами. Но в Корее к любой карьере положено готовиться с юности и посвящать ей всего себя, поэтому никто не ждет от парня в полиэтиленовой шапочке, перчатках и фартуке, что он вручит тебе свое портфолио. Тем более у меня и портфолио никакого не было.

– Я... я неплохо пою, так... – У меня чуть не сорвалось с языка «мама говорит», но я вовремя спохватился: – Так люди говорят.

– Покажи.

– З... здесь?

Других посетителей не было. Я воровато огляделся в поисках босса, но тот, оставив гриль-сковороду прогреваться, отошел в подсобку за приправой. Все складывалось в мою пользу.

– Легко сказать, что хорошо поешь, – грубо сказал гость. – Труднее спеть. Ну?

Как бы я хотел быть храбрецом, который на такое способен! Гость еще несколько секунд смотрел на меня, затем поднялся, упираясь здоровенными руками в стойку. Я попятился.

– Группа так себе, ничего особенного. Называется «Славные парни», играют в барах каверы на чужие хиты. Я продюсер, у нашей фирмы таких групп несколько. Мы предлагаем их на корпоративные вечеринки, а туда нужны симпатичные парнишки, тогда женщины хорошие отзывы оставляют. Ты очень даже ничего, так что, если умеешь петь, пой прямо сейчас.

Я поклонился так, что чуть не врезался лбом в стойку. Мне еще никогда не говорили, что я «очень даже ничего». Что же спеть? Надо просто решиться, набрать в грудь воздуха и... Но тут из подсобки вышел босс с банкой приправы, и язык у меня прилип к небу. Петь на глазах у босса? Нет, не могу, правда не могу, он меня потом насмешками изведет.

– Разрешите, я зайду на кастинг позже? – прошелестел я, чтобы услышал только гость.

– Ну ты и трус, парень, – хмуро ответил он. – В армии еще не служил? Трудно там будет такому, как ты. Ладно, дам тебе второй шанс. – Он вытащил из рюкзака ручку и нацарапал что-то на бумажной салфетке. – Это адрес бара, где состоится последнее прослушивание. Сегодня в восемь, ни минутой позже.

Смена у меня заканчивалась в девять. Я приоткрыл рот,

но не издал ни звука. Гость толкнул салфетку ко мне и пошел к выходу.

– Эй! А бульгоги? – крикнул босс ему вслед.

– Appetit пропал, – бросил гость и вышел за дверь.

Босс медленно повернулся ко мне:

– Что ты тут устроил?

– Ничего, простите, ничего, он просто...

– Это ты с ним тут лясы точил! Клиента отпугнул! Цену бульгоги из твоей зарплаты вычту, понял?

Вообще-то мы говядину еще и жарить не начали, но протестовать не хватило духу, и я кивнул. На салфетку босс, к счастью, не обратил внимания, и я сгреб ее со стойки, сделав вид, что убираю мусор. «Улица Дасан-ро, 5, бар „Лисий хвост“, 20:00». Я вытащил телефон, чтобы проверить, где это. Далеко, почти в центре.

В кафе зашла шумная компания рабочих с ближайшей стройки – они часто приходили к нам пообедать. Я тут же переключил телик на спортивный канал. Босс о таких мелочах не думал, а я давно заметил: они часто обсуждают результаты футбольных матчей и всегда радуются, когда на экране спорт.

Гости одобрительно засвистели, босс бросил на меня тяжелый взгляд, но промолчал. Салфетка с адресом бара грела меня сквозь карман. У меня сегодня будет первое в жизни прослушивание! Что спеть? И главное, как доехать вовремя?

В шесть часов я решил, что утренние инциденты исчер-

паны, и с поклоном обратился к боссу.

– Господин. – Я давно уже понял: это обращение ему нравится. – Мне нужно уйти на два часа раньше.

Никогда еще о таком не просил, даже в голову не приходило. Работа есть работа.

– Зачем?

Придумать какую-нибудь ложь заранее я не сообразил, так что брякнул как есть:

– Иду на прослушивание в музыкальную группу. Я не успею добраться, если...

– Ну нет, это несерьезно. В конце смены могут еще прийти клиенты. Как я обслужу их один?

«Один раз сами все нарежете, клиентов у нас не так много», – подумал я. Вообще-то моя задача как помощника была подготовить продукты, чтобы повар мог быстро собрать из них лапшу, суп или онигири. Но мой скупой босс других работников не нанимал и готовил сам. Я делал все остальное: убирал зал, мыл посуду, подавал еду клиентам и следил, чтобы на их столах не задерживались пустые тарелки, а платили мне лишь за должность помощника.

– Господин, мне очень нужно уйти на два часа раньше, – твердо сказал я, вдохновленный несправедливостью своего положения.

– Тебе-то, может, и нужно, да только ты на этом прослушивании никому не нужен. То, что ты пускаешь слюни, глядя на айдалов, и не слишком ужасно поешь, певцом тебя не

делает. Держись за рабочее место покрепче, а то быстро тебе замену найду!

У меня невольно сжались кулаки. За три года работы здесь я никогда не отлынивал, приходил задолго до начала первой смены и задерживался после второй. Конечно, из-за того, кто я такой, шансов на хорошую карьеру у меня не было, и все же капельку уважения я своим трудом заслужил. Но сказать все это вслух у меня язык бы не повернулся, и босс это знал. Иногда мне казалось, он наслаждается тем, что я готов выполнить любой его приказ.

– Когда-то и я мечтал в университете учиться, – снисходительно сказал босс. Он уже понял, что выиграл спор. – Но это все просто дурацкие мечты. Чтобы поступить, нужно готовиться, а это дорого. Певцов вообще с детства таскают по всяким учебам. Хватит фантазировать, иди работай! Не видишь, сколько посуды накопилось?

Я уныло начал загружать посудомоечную машину. Но в семь часов, дождавшись, когда босс скроется в подсобке, я выскочил на улицу, не давая себе времени передумать. В зале сидели посетители, и они проводили меня удивленными взглядами, но я только втянул голову в плечи и помчался к метро. Пятнадцать станций, потом пересесть на линию пять и... И тут раздался звонок телефона.

«Хён! – гаркнул босс. Сбросить вызов я не решился. – Либо возвращайся, либо уволен! Да как ты к работе относишься?! Бесишь меня третий раз за день!»

На заднем плане слышались негромкие голоса посетителей: босс, конечно, орал в телефон прямо при них. Я злорадно подумал, что, может, готовит он и отлично, но почтительность к гостям – не его сильная сторона.

«Если через пять минут тебя тут не будет, прощайся с работой, – резко сказал босс. – Я не шучу».

Он завершил вызов, я по инерции пробежал еще несколько шагов и остановился посреди улицы. Станция метро уже маячила впереди. Я смотрел на нее тоскливо, как путник, который замерзает зимой в горах и понимает, что уже не доползет до спасительного огонька.

Мы с мамой снимали квартиру в обшарпанном трехэтажном домишке, своей у нас не было. Ее родня жила на другом конце страны, и мы постоянно посылали деньги ее матери и сестре, хотя я никогда их не видел. Мне казалось, так мама заглаживает вину за то, что опозорила семью.

Если меня уволят, что я ей скажу? Я и так не могу обеспечить нам приличную жизнь, а тут... Я еще раз глянул на вывеску «Станция Синчон», сиявшую вдалеке, и побрел обратно. Потерять то, что имеешь, куда страшнее, чем отказаться от мечты, – так устроена жизнь, не осуждайте меня.

Когда смена закончилась, я все равно поехал в бар «Лисий хвост». Прослушивание наверняка затянулось, вдруг успею? Когда я добрался, было всего-то десять: всех желающих вряд ли посмотришь за два часа!

Бар был дорогой и тихий: темные стены, растения в кад-

ках, тихий джаз в записи и ничего похожего на отбор кандидатов в группу. Тут не было даже уголка для живой музыки, это я сразу заметил: с тех пор как мне стукнуло девятнадцать и мне стали продавать алкоголь, я уже несколько раз ходил в бары с живой музыкой – это гораздо дешевле, чем концерт.

– Извините. – Я поклонился бармену. – Прослушивание в группу «Славные парни» уже закончилось?

Тот посмотрел на меня с легким презрением: я был одет и пострижен совсем не так классно, как остальные присутствующие.

– Какое прослушивание? У нас не выступают музыкальные группы.

Мне тут же захотелось провалиться сквозь шикарный паркетный пол, но я поборол робость и дрожащей рукой протянул бармену салфетку. Тот брезгливо взял ее и прочел надпись.

– Да, это наш бар, но никаких «Славных парней» тут в восемь не было. Над вами кто-то подшутил.

Я вытащил телефон и вбил в поиск группу «Славные парни», хотя вообще-то надо было это сделать еще днем. «Славные парни» существовали и вели страницы в соцсетях. Значит, тот человек, наверное, врал не во всем: он их продюсер, и прослушивание действительно было, только в другом баре. Ну зачем он так поступил?

– Извините. – Я привычно отвесил поклон. – Это я сам ошибся.

– Выпить закажете?

Такие заведения мне не по карману, и я покачал головой, вымучив улыбку.

– В другой раз. У вас тут красиво, и джаз классный играет. Работникам всегда приятно, когда хвалят их заведение.

Уже сгустилась ночь, но тут, в центре города, темноту разгонял свет ярких вывесок и сотен сияющих окон. Я прошел два квартала, даже не заметив, что все больше удаляюсь от нужной мне станции метро.

А потом мои ноги остановились сами собой. С сияющего рекламного экрана на меня смотрел Пак из «Тэянг». Ничего удивительного, его лицо повсюду: он был вижуалом группы, самым красивым участником, который представлял ее в рекламных контрактах. Пак много чего рекламировал: крупнейший бренд мобильной связи, одежду, леденцы, косметику для ухода за волосами и кожей – хотя, даже купив все кремы мира, невозможно было стать таким, как он.

Пак был не просто красивым, он был как древние небожители. Идеальное, одухотворенное лицо, смотришь на него и чувствуешь надежду, покой и счастье. И это был не фотошоп – судя по видео в соцсетях «Тэянг», Пак был таким, даже когда его снимали на телефон в пять утра.

И еще знаете что? При взгляде на многих айдолов сразу становится ясно, какую пластику они делали, потому что не бывает таких тонких носов и широко распахнутых глаз. А Пак выглядел совершенно естественно. И главное, невоз-

можно было подделать это выражение глаз: печальное, будто Пак знает, какой бывает жизнь, и посылает грустный привет всем, кому тяжело и одиноко.

Этот взгляд сражал меня наповал каждый раз, даже сейчас, когда сопровождался широкой улыбкой и надписью «Зубная паста 2080 – зубы белее белого».

Я смотрел Паку в глаза, глупо моля его спасти меня и превратить из неудачника в крутого парня. Пак не ответил, вместо него на экране появилась женщина, рекламирующая кредитные карты. Я вздохнул и завертел головой в поисках ближайшей станции метро, мысленно пообещав себе, что куплю бургер в награду за все горести. Нельзя отчаиваться, иначе жизнь станет совсем тоскливой.

На этом день, полный невеселых приключений, и должен был закончиться. Я бы вернулся домой, лег спать, встал в четыре, чтобы посидеть с мамой, и пошел бы на работу.

Но не тут-то было.



# Глава 2

## Лис



Прохожий подсказал мне дорогу к метро, и я неприкаянно брел по переулку, слишком депрессивному для центра города. Здание вдоль одной стороны затянуто сеткой то ли давно тянущегося, то ли заброшенного ремонта, напротив – жилые

дома и пара убогих магазинчиков. Типичный Сеул: роскошь соседствует с бедностью.

За одним из окон кто-то играл на синтезаторе. Я остановился – меня с детства любая музыка влекла как магнитом.

– Музыка чудесна, правда? – спросил кто-то у меня за спиной, будто мысли мои прочел.

Я резко обернулся. Наш район любого научит держать ушки на макушке.

Тот, кто произнес эти слова, хулиганом не выглядел. Красивый молодой мужчина с безупречной стрижкой, одет в ханбок – национальную одежду, которую разве что в Новый год на улице увидишь. Белая рубашка с длинным рукавом, широкие темные штаны, перевязанный поясом синий халат с вышивкой. Правда вместо традиционной обуви, с которой положено носить ханбок, на ногах у него были шикарные кроссовки, такие белые, словно он в них с подиума сошел. Наверное, этот парень ходил на вечеринку с национальным дресс-кодом, а теперь ждал такси.

Улицу он для этого выбрал так себе: ни прохожих, ни машин. Я поклонился ему и собирался тихонечко удалиться, когда парень мягко произнес:

– Уделишь мне минутку, Ли Син Хён?

По телику я слышал, что в мозгу человека есть целая область, отвечающая за страх. Так вот у меня эта область немедленно запылала, как солнце, и в дополнение заорала сиреной.

– Ну-ну, – ободряюще сказал незнакомец.

Он, похоже, ждал, когда до меня что-то дойдет. И до меня дошло. Парень стоял прямо под ярким белым светом уличного фонаря, отбрасывая на ближайшее здание совсем не человеческую тень. Вглядевшись, я сдавленно вскрикнул и бросился наутек.

– Какой скучный и предсказуемый страх, – сказал незнакомец, возникнув у меня на пути.

Говоря «возникнув», я имею в виду именно это: секунду назад я бежал по переулку, подвывая от ужаса, а парень в ханбоке стоял у меня за спиной, и вдруг – хоп! – он уже передо мной. Я еле успел затормозить, чтобы в него не врезаться.

Я надеялся, что хоть кто-нибудь появится в переулке, тут-то я к ним и брошусь за спасением, но никого не было. Так всегда происходит в ужасниках, когда героя вот-вот сожрут.

– Не надо, – прохрипел я, ни на что особо не надеясь.

Когда эти слова останавливали хоть какую-нибудь жуткую тварь? Чтобы убедиться в том, что мне конец, я заставил себя еще раз глянуть на стену, где фонари подсвечивали тень незнакомца – может, показалось? Увы. При первом взгляде я решил, что это какой-то осьминог, теперь же стало ясно, что тень больше похожа на собаку, вокруг которой закручиваются щупальца. Я зажмурился и приготовился к смерти.

– Хоть бы поорал для порядка или, не знаю, дрался. Что за скука! – раздраженно произнес незнакомец.

Я приоткрыл глаза. Казалось, сердце сейчас ребра проло-

мит, но все же... Когда кто-то хочет тебя убить, он же не будет говорить, что ты скучно боишься, ведь правда, да? Но если он маньяк...

– Ли Син Хён, – рассердился незнакомец. – Разуй глаза, взгляни еще раз на мою тень и оцени удачу, что пришла к тебе.

Послушно уставившись на тень (что еще мне оставалось?), я понял, что щупальца все-таки не совсем щупальца: слишком воздушные и мягкие на вид, даже, пожалуй... мм... слово «пушистые» подошло бы идеально, если бы не было слишком милым для сверхъестественной тени.

Это не щупальца. Это хвосты. Собака с кучей гигантских хвостов, которые растут из ее пушистого зада и плавно изгибаются в разные стороны. Или даже, пожалуй, не собака. Острая морда, острые уши. Лисица! А лиса с кучей хвостов – это...

– Когда-то людям не приходилось тупить по полчаса, чтобы узнать свою удачу, – с ноткой презрения сказал незнакомец, и я медленно повернулся к нему.

Девятихвостый лис. Кумихо. Сказочное существо, оборотень, от которого добра не жди. Начать, конечно, следовало бы с того, что их просто не бывает, но тень на стене выглядела поразительно настоящей.

– Какую удачу? – пролепетал я. – Вы... вы же пожираете сердца мертвых, бродя по кладбищам.

Незнакомца аж перекосило, словно он лимон откусил.

– Фу, как негигиенично и неприятно. И бессмысленно. Сердца мертвых мне без надобности.

Тут я вспомнил еще одну сказку, от которой легче мне не стало. Юношу соблазнила прекрасная девушка, которая потом оказалась девятихвостой лисой и проглотила его душу.

– Вас же не бывает, – жалобно произнес я и сразу понял: реплика бесполезная.

– Можно мы пропустим ту часть, где ты считаешь меня своим бредом? Я и так уже от скуки умираю.

Почему-то недовольство на его лице окончательно убедило меня, что он настоящий. Мое воображение просто не сумело бы создать сказочного кумихо в ханбоке и кроссовках, который еще и бесится оттого, что в него не верят.

– Разрешаю звать меня просто Лис, – сказал Лис, будто почувствовав, что беседа вышла на новый уровень. – И на «ты». Я перерос возраст, когда меня приятно будоражило поклонение.

– А... а сколько тебе? – прошелестел я.

То ли из сказки, то ли из какого-то мультика я помнил, что кумихо, то есть оборотнем, может стать любая лиса, которая доживет до тысячи лет.

– Хён, – серьезно ответил Лис. – Тебя не это сейчас должно волновать.

Мой взгляд то и дело притягивала сверхъестественная тень на стене, но Лис-человек пугающим не казался. Зрачки совершенно обычные, взгляд – человеческий, запах – то-

же. Он стоял так близко, что я улавливал нотки дорогих духов. Интересно, оборотни ходят по магазинам или заказывают все онлайн?

– У меня времени-то не вечность, – раздраженно сказал Лис. – К делу, Хён. Видя твои бедствия, я пришел тебе на помощь, так что лови-ка удачу за хвост. Точнее, за все девять. Я хочу тебе кое-что подарить.

Вот уж чего-чего, а подарков я в легендах о кумихо не помнил: в основном там было про соблазнение, убийства и пожирание сердец тех, кого удалось завлечь в сети греха. Я решил, что пора спасаться, только как-нибудь по-умному, вежливо и учтиво, – кому охота разозлить оборотня?

– Благодарю тебя за щедрость, господин, – дрожащим голосом выдал я, склонившись в поклоне. – Я счастлив, что мне выпала удача тебя встретить, но... но... – На ум не приходила ни одна отговорка, и я брякнул: – Но мне пора, я должен успеть на... поезд. Рад был поговорить!

И я бросился бегом по переулку, стараясь держаться подальше от стены, на которой чернела тень Лиса. А вдруг она живая и может меня сожрать? Я надеялся, Лис поймет, что мне ничего от него не надо, но, увы, зря.

– Куда же ты? – Он снова возник у меня на пути, и я обреченно остановился. – Хотя бы выслушай. Я не желаю тебе зла. Неужели ты думаешь, что такое всемогущее существо, как я, стало бы возиться с тобой, если бы хотело навредить? Я бы стер тебя в пыль, но я ведь этого не делаю. – Тень на сте-

не качнула девятью хвостами. – Просто я увидел, как трудно тебе живется, и решил помочь. Мне тоже никогда не было нигде места. – Лис сжал мое плечо, и я едва сдержался, чтобы не отпрянуть. – Люди своими глупыми историями подпортили мне репутацию. Разве с тобой случилось не то же самое? Я знаю, почему тебя презирают, хотя ты ни в чем не виноват, как и я. Ты пострадал за грехи родителей, я – за то, что умею превращаться. Люди травят всех, кто на них не похож.

Ладно, признаюсь, я растаял. Никто, кроме мамы, не говорил со мной так понимающе и ласково. И еще Лис был невероятно хорош собой, хотя, конечно, Пак для меня все равно красивее.

– Мне подвластно многое, и вот тебе мой подарок, – важно произнес Лис. Он шагнул еще ближе ко мне, и тень на стене тоже сделала шаг вперед. – Ты хочешь пройти кастинг в ту группу, которая тебе нравится?

– Я... не знаю, нравятся мне «Славные парни» или нет, я же их не слышал, – пролепетал я: почему-то мой ошарашенный мозг уцепился именно за эту информацию.

Лис нежно засмеялся – будто колокольчики зазвенели.

– О нет, Хён, я не о «Славных парнях». Их, кстати, даже не существует. Я о твоей любимой группе «Тэянг». Хочешь выиграть их кастинг?

В каком смысле «не существует»? В каком смысле «выиграть кастинг в „Тэянг“»? Что за бред! Я мотнул головой,

обошел Лиса и без всякого драматического накала зашагал дальше по переулку, туда, где мерцали огни машин. На этот раз Лис не вырос у меня на пути, просто крикнул вслед:

– Не ври, что в глубине души не мечтал об этом, я чувствую желанья! Ну же, Хён, не будь трусом, я уже в третий раз даю тебе шанс, четвертого не будет!

Пока он говорил, его голос изменился, стал низким и хриплым. Не в силах побороть любопытство, я обернулся. На месте Лиса стоял продюсер «Славных парней» – тот грузный коротышка, который ушел из кафе, не заплатив за бульгоги.

– Я тебя испытывал, – сказал коротышка. – Ты побоялся спеть в кафе, побоялся уйти с работы пораньше. Тебе раз за разом дают шанс, но ты слишком робок и жалок, чтобы хоть чем-то рискнуть. – Он снова направился ко мне. Я неподвижно стоял на месте. – А сейчас тебе дарят исполнение мечты, такой заветной, что ты даже сам себе в ней не признаешься всерьез. И ты просто уходишь? Начинаю думать, что ты заслужил свою убогую жизнь. – Коротышка опять превратился в красавца в ханбоке и кроссовках. – Все, я ухожу?

– Ты ведь что-то попросишь взамен, – негромко сказал я. Может, я и трусливый лопух, но не идиот. – Ты – кумихо. Зачем тебе кому-то помогать?

– Говоря словами вашего века, это мой благотворительный проект. – Лис поправил белоснежный рукав. – Но ты прав, я кое-что попрошу. Суший пустяк, не сравнить с тем,

что ты выиграешь.

Ну началось.

– И что же? – сдавленно спросил я.

Лис мягко отмахнулся, давая понять, что это мелочь, не стоящая упоминания.

– Я хочу то, чего у тебя еще нет. Не бери в голову, если ты согласишься на нашу сделку, я заберу это позже.

Сделка, а не подарок. В университете я не учился, но разницу любой поймет. Вот после таких сделок и рождаются сказки, в которых герои под конец умирают, и некому их оплакать, потому что сами, дураки, виноваты.

– Лучше я останусь бедным, но сохраню свою душу, – заявил я.

Священник нашей церкви мог бы мной гордиться. Пожалуй, немного театрально получилось, но я хотел, чтобы до Лиса дошло: я его насквозь вижу. Сожрет мое сердце и не подавится.

– Ну брось. Я же знаю, ты не ради денег, жадность – не твой порок, – пожал плечами Лис, ничуть не впечатленный твердостью моей воли. – Твой порок – трусость. Но разве ты не хочешь, чтобы музыка стала твоей жизнью? Разве не хочешь увидеть Пака так же близко, как меня, поговорить с ним? На афиши-то любой может облизываться, тут храбрость не нужна.

Ох, вот это был, конечно, удар ниже пояса. При словах «увидеть Пака» у меня перехватило дыхание. Я даже мечтать

о таком не смел.

– У меня нет голоса, – сдавленно пробормотал я, хватаясь за последний аргумент. Остатки здравого смысла уже уносило волной под названием «увидеть Пака». – Мама когда-то привела меня в музыкальную школу, и там сказали, у меня нет вокальных данных.

– Зато у тебя отличный слух, и поешь ты вполне приятно. Да откуда ты знаешь, тварь потусторонняя?! Я внезапно разозлился. Как он смеет все обо мне знать? Я бессильно опустился на крыльцо какого-то закрытого магазина. Темную витрину украшала реклама дешевого рамена в стаканчиках.

– Этого недостаточно, чтобы попасть в «Тэянг», – огрызнулся я. Мы что, всерьез это обсуждаем? – Надо еще уметь танцевать, и...

В знак заключения сделки Лис протянул мне руку с оттопыренным мизинцем. У него были очень красивые руки, бледные, с чистыми, аккуратно постриженными ногтями – никаких демонических когтей. Я руку в ответ не протянул.

Работая в кафе, я годами изучал людей и легко определял прожженных дельцов, у которых на уме только бизнес. Один из них стоял сейчас передо мной, я читал это в его глазах, просто слишком робел, чтобы сказать вслух.

– Твоя мать за гроши выбивается из сил на жалкой работенке, – негромко сказал Лис, продолжая протягивать руку. – Такой, как она, трудно рассчитывать на что-то большее. Она

так и будет пахать там, пока не умрет от инфаркта из-за вечного недосыпа. Ты должен согласиться. Ради своей матери, ради себя и ради музыки.

Какая бессовестная, дешевая манипуляция! Я поднял на него тяжелый взгляд. Встал. Сделал несколько шагов по переулку. Вернулся, сжимая кулаки, – не в знак угрозы, а чтобы рука не потянулась к руке Лиса. Мне так хотелось согласиться, что в животе ныло. Лис сердечно взял меня за плечи.

– Позволь мне поделиться с тобой знанием, которое я обрел за долгую жизнь: чтобы увидеть звезду, надо открыть глаза. Большинство людей понятия не имеют, какие они, и стараются не попадать в ситуации, где можно выяснить, ужасны они или великолепны. А может, и то и то. Легко быть праведником, когда никто не зовет тебя погрешить! Ты всю жизнь избегал риска – и что это тебе принесло?

Лис снова протянул мне мизинец, и я вспомнил свой любимый момент из одного клипа «Тэянг»: взгляд Пака прямо в камеру. Я этот момент раз сто пересмотрел – Пак глядел с такой искренней яростью и печалью, будто и он, успешный и прекрасный, знает, какой жестокой бывает жизнь. Я понимал, что это лишь картинка, хорошая режиссура, и все же ради этих двух секунд я проматывал клип назад снова и снова. Мне казалось, что Пак смотрел прямо на меня, и это был взгляд человека, у которого есть душа.

И вот теперь я говорил себе, что соглашаюсь ради мамы, ради музыки и своего будущего, но на самом деле соглашал-

ся, чтобы посмотреть в эти глаза напрямую, а не через экран.

Я медленно поднял руку и переплел свой мизинец с прохладным мизинцем Лиса, а потом коснулся большим пальцем его большого пальца. Знак нерушимого обещания.

– Дарую тебе голос, равного которому нет на свете, – торжественно произнес Лис, не расцепляя наших рук. – Теперь ты.

– Обещаю отдать тебе то, что ты попросишь, – хрипло сказал я.

По лицу Лиса расплзлась улыбка. Чувствуя себя каким-то особенно незащищенным и глупым, я пропел строчку из модной песни. Получилось так же, как обычно.

– Не так быстро, Хён. Голос должен проникнуть в тебя, я не фокусник. Да и вообще надо все сделать так, чтобы в плане не было дыр, а для этого я должен спокойно поколдовать. Раньше создавать иллюзии было проще – человека знали только те, кто знал его лично, а теперь надо еще и в интернет сведения добавить. – Лис самодовольно усмехнулся, от его раздражения и следа не осталось. – Но ты ведь искал «Славных парней» в Сети? Нашел, верно? Иду в ногу со временем.

Я мотнул головой. Мне было как-то нехорошо, будто температура резко подскочила. Накатила тошнота и озноб. Может, оборотни ядовиты, и прикосновение к ним смертельно?

– Иди домой и ложись спать, – приказал Лис. – Я свою часть сделки выполню, не беспокойся. Остальное зависит от

тебя. Метро вон там.

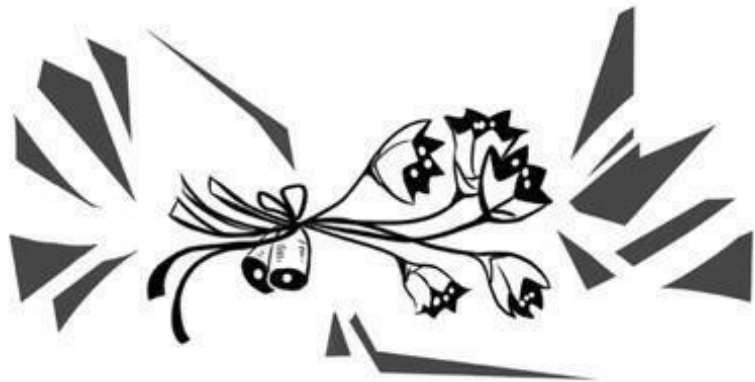
Почувствовав мягкий толчок в спину, я куда-то побрел, не разбирая дороги. Сквозь туман в глазах различил вывеску станции. Еле вспомнил, в каком кармане лежит проездной и как его приложить к турникету. Ни о чем пожалеть не успел – все казалось слишком нереальным, будто привиделось в бреду. Вдруг я заразился каким-нибудь ужасным вирусом, и он теперь уничтожает мой мозг?

С трудом соображая, что делаю, я перешел на другую линию. Доехал до своей станции, сто раз повторив про себя ее название, чтобы не пропустить остановку. Выбрался на воздух и побрел домой. В голову пришла идиотская мысль: если я и правда говорил с волшебным Лисом, тот мог бы проявить любезность и подвезти меня домой. Уверен, у него шикарная тачка и...

Я растянулся во весь рост, споткнувшись о гнилой кукурузный початок, валявшийся на земле. Кряхтя, как старый дед, поднялся, различил в тусклом свете фонарей наш дом и бросился к нему. Мама, конечно, была еще на складе. Когда я включил в пустой квартире свет, он ударил по глазам так, что они едва не лопнули от боли.

Чтобы почувствовать себя лучше, я залил кипятком самый острый рамен, какой нашел в шкафу, съел его и завалился спать. Мне показалось, матрас поглотил меня, как зыбучие пески в кино.

«Я умру», – подумал я. Но, конечно, не умер.



# Глава 3

## Золотой голосок Сеула



Обычно я всегда просыпался в полутьме, задолго до рассвета, так что ударивший по глазам свет меня ошаршил. Я заморгал, с трудом соображая: все хорошо, я – на своем

матрасе, далекий прямоугольник окна подсвечивает родную клетчатую шторку, отделяющую мой спальньй угол. Какое солнечное утро! Значит, снова будет жаркий день.

Я подскочил. Стоп! Раз уже так светло, значит, я не просто проспал и не посижу с мамой перед теликом, я уже и на работу опоздал! Как я мог забыть поставить будильник! Вскочив как ужаленный, я отдернул шторку – и замер.

Гостиная была такой же, как всегда, но мебели у нас мало, так что взгляд сразу упал на столик у телевизора. Там обычно валялся всякий мусор: пустые пачки от чипсов, стаканчики из-под кофе, картонные тарелки от пиццы. А сейчас столик был застелен скатертью, – да у нас в доме вообще скатертей нет! – и на нем были расставлены шутовины, совсем не похожие на мусор. Я опасливо подошел.

Кубки. Статуэтки. Награды. Фотография в рамочке: ребенок, в котором я узнал себя лет десять назад. Я гордо позировал в костюмчике с галстуком-бабочкой (у меня такого в жизни не было), рядом улыбалась мама в платье (она ходит только в брюках). Маленький я сжимал кубок, который сейчас стоял рядом с фотографией. «Золотой голосок Сеула-2013», – гласила надпись на его фальшиво-золотом боку. Я нахмурился и снова принялся рассматривать фотографию, только сейчас сообразив, что меня в ней смущает.

Я видел эти улыбки на совсем другой фотографии, которую мы сделали во время поездки в Национальный парк Со-раксан. Там на нас была другая одежда, а стояли мы на фоне

каменного медведя. Мне представилась дурацкая сцена: ночью к нам в дом врывается сказочный Лис, вырезает наши с мамой головы из старой фотки и клеит их на изображение каких-то других людей из интернета. Я бросился к полке: фотография из парка была такой радостной, что мама ее распечатала и хранила как закладку в Библии.

Фотографии не было. Библии тоже. Я перебрал книги на полке: нашлись все, кроме нее. Вчерашний вечер наконец склеился у меня в голове из отдельных бредовых фрагментов в единую ужасную картину. Не может быть: я что, реально продал душу, или что он там попросит в обмен, оборотню?

Я вцепился руками в волосы. Кто-то из вас наверняка испытывал подобное: живешь простым, но праведным человеком, который честно трудится и даже мусор мимо корзины не бросает, и вдруг творишь что-то такое самолюбивое и грешное, что аж спина холодеет. В ужасе думаешь: «Я не такой!» – но ты, похоже, именно такой.

Из кухни доносился звон посуды, и я бросился туда.

– Мама! – отчаянно крикнул я. – Ты не поверишь, что я сделал, мне так жаль, там был Лис, ну, кумихо, и он мне сказал, что...

– Ты про игру свою какую-то, что ли? – Мама потрепала меня по плечу, второй рукой закрывая кран. – Напугал!

– Кажется, я продал ему душу, – пролепетал я, с трудом оторвавшись от ее плеча. Что еще ему может быть надо! – За голос. А голоса даже нет. Вот, слушай.

Я пропел строчку из песни «Тэянг» «Океан любви» и ошарашенно замер. От удовольствия у меня аж уши вздрогнули. Я медленно повторил строчку и отстраненно подумал, что за концерт человека, который так поет, я не пожалел бы денег.

– Мама, – выдохнул я. – Я могу петь!

Таких нот я еще никогда не брал и думал, что она будет поражена, но мама фыркнула и понесла чистые миски на стол.

– Не пойму, выпил ты вчера или перегрелся, Хён. Садись-ка завтракать, я рис поджарила.

Значит, Лис подправил ее память и она думает, что я всегда мог так петь. От этого мне вдруг стало больно. Мы с мамой всегда делились друг с другом радостями и проблемами, но вот сейчас такое случилось, а я даже не могу ей ничего объяснить. Я пропел еще одну строчку из песни «Тэянг», получилось опять блестяще, мне прямо неловко стало, что такой идеальный голос вырывается из моего горла. Вроде бы мой тембр, но диапазон расширился раза в три, и все стало лучше: сила, подача, точность. А еще в голос будто добавили щепотку волшебной пылицы, и он стал таким... Как же объяснить? Словно уши тебе гладят не то лепестком цветка, не то теплым боком пушистого кота.

– Мам, – жалобно позвал я. – Слышишь, как я пою?

– Как обычно, лучше всех, – гордо ответила она, заваривая чай.

Я судорожно вытащил из кармана телефон и полез в акка-

унт «Тэянг». Вот будет номер, если они уже выбрали нового участника! Последнее видео было выложено вчера вечером – Пак и Джо валяются на диване в танцевальной студии, пока Линхо неутомимо танцует перед зеркалом один. Судя по унылым лицам всех троих, никаких потрясающих новостей о камбэке группы, которая из-за отсутствия участника уже два месяца на паузе, не поступало.

От вида этих троих раскаяние в грешной сделке немедленно меня покинуло. Я же могу теперь оказаться прямо там, с ними!

И тут до меня дошло: Лис не сказал, что я как-то автоматически стану участником группы. Он лишь сказал, что голос поможет мне пройти прослушивание. Вот жуть: я же понятия не имею, где проходит это прослушивание и как туда попасть! «Я свою часть сделки выполню, остальное зависит от тебя», – бросил мне Лис, и теперь я его понял.

– Ладно, – пробормотал я и яростно застучал по экрану, ббивая в поиск: «Тэянг прослушивание где».

«Продюсерские центры со всей страны направили в концерт „Ай-Интертэйн“ видео своих стажеров, – рассказывала статья на сайте „Музыкальная Корея“. – Финалистов пригласили на прослушивание в главный офис концерна».

Следующий запрос: «Ай-Интертэйн главный офис адрес».

Ответ: «„Диджитал Медиа“, здание Сиот».

Спасибо, интернет! В «Диджитал Медиа» я никогда еще

не бывал – это квартал новеньких бизнес-зданий, где расположены офисы телеканалов и радиостанций. Сердце у меня колотилось как бешеное, а в остальном вчерашнее недомогание как рукой сняло.

Я рванул к входной двери, на ходу проверяя телефон: так спешил узнать новости о «Тэянг», что только сейчас заметил пять пропущенных вызовов и шесть новых сообщений. Все от босса.

*06:11 Хён, ты где?*

*06:20 Хён! Ты проспал? Ни тебя, ни продуктов!!*

*06:25 Перезвони, или я тебя уволю!*

*06:31 УВОЛЕН*

*06:42 Хён, немедленно иди на работу!*

*06:56 Теряю терпение! Поговорим, когда явишься!!*

Сейчас на часах было одиннадцать сорок. Я сжал телефон так, что ладонь вспотела. Мне впервые пришло в голову, что угрозы босса не обязательно закончились бы увольнением.

– Ты куда? А завтрак? – крикнула мама мне вслед.

– У меня прослушивание! – сам себе не веря, ответил я.

– А, ну ладно, – сказала мама.

На миг мне стало грустно. Еще вчера мама воскликнула бы: «Что? Прослушивание? Не может быть, расскажи!» Но я велел себе об этом не думать и сломя голову помчался на улицу.

Начиналось жаркое, влажное лето, и воздух прямо лип к коже. Каждый, у кого был осушитель, врубал его на всю катушку, чтобы дом не зарос плесенью. Идешь по улице в выходной, и отовсюду доносится тарактение стареньких приборов.

Особенно хорош был осушитель у деда, который жил в конце нашей улицы, в крохотной пристройке к чужому дому (уверен, давным-давно появлению его жилища сопутствовала какая-нибудь крутая история). Древний куб с толстым проводом тарактел, как отбойный молоток, – на месте плесени я бы даже пытаться не стал.

«Хён, откуда ты знаешь, как выглядел чужой осушитель воздуха?» – наверное, спросите вы (ха-ха, вряд ли). Ответ прост: у деда был еще и винтажный японский магнитофон кассетник, и меня так завораживало это антикварное устройство, что я часто подкрадывался к его окну послушать музыку. Зайти дед меня не приглашал, но всегда делал музыку громче, когда я останавливался под окном.

Особенно он любил музыку белых. По-английски я понимал только «лав» и «хейт», но в самом пении было что-то волнующе-экзотическое, и я искал потом по всему интернету треки, которые он включал. Так я открыл для себя Дэвида Боуи, «Роллинг Стоунз» и много кого еще.

Родной *k-pop* дед не слушал (возможно, потому, что эра бойз-бэндов не совпала с эрой кассет), но сейчас, пробегая по раскаленной улице мимо его окна под звуки группы «U2»,

я все равно притормозил.

– Господин Ким! – крикнул я. Радость бурлила во мне, как пузырьки газировки. – Я иду на прослушивание в группу!

Мама сейчас не могла разделить со мной мою радость, но дед-то – фанат музыки, он поймет! Дед тут же выглянул из окна: в его лачуге была только одна комната, так что далеко идти не пришлось.

– Соседский парень... – протянул он. Я впервые видел его так близко. – Я думал, ты немой.

И только тут я понял, что за три года с момента нашего переезда сюда я не сказал деду ни слова.

– Простите, господин Ким. – Я торопливо поклонился, улыбаясь так, что почувствовал все мышцы в собственных щеках. – Меня зовут Ли Син Хён! Спасибо за музыку! – И помчался дальше прежде, чем он успел ответить.

В окне поезда я увидел свое размытое, темное отражение, и только тогда до меня дошло, что я все в той же одежде, в которой вчера ходил целый день, а потом завалился спать. Но возвращаться не стал – меня гнал вперед страх, что на кастинг явится какой-нибудь неотразимый претендент, и тогда пиши пропало. Я лихорадочно напевал себе под нос каждую секунду: в вагоне метро, на переходах и эскалаторах. Иллюзия не пропадала, голос был магнетически прекрасным. Люди улыбались, когда слышали меня.

На станции «Диджитал Медиа Сити» Сеул был совсем не таким, как около моего дома, и даже не таким, как в центре:

полный футуризм, только космических кораблей не хватает. Дома, похожие на стеклянные кубы, непонятные арт-объекты, стильные кафешки с английскими названиями. Чтобы посмотреть на верхние этажи зданий, надо так голову запрокидывать, что можно себе шею сломать. Я быстрым шагом дошел до бизнес-центра с огромной буквой «Сиот». Бежать я боялся, мокрая от пота спина – не лучший вид для кастинга в «Тэянг». От слов «кастинг в „Тэянг“», произнесенных даже мысленно, в груди у меня сладко заныло.

В бизнес-центре было холодно – кондиционер работал на полную мощность. Я поежился, оглядывая стойку ресепшена, турникет и охранника. Огонек на турникете горел красным – понятно, что надо приложить бейдж, иначе не пройти. Мне страстно захотелось сбежать, но я заставил себя подойти к турникету.

– Добрый день. Я на кастинг в «Тэянг».

Охранник спокойно кивнул – значит, кастинг действительно здесь!

– А вы не спешили. Остальные тут с утра.

Я поклонился:

– Простите. Я... предупреждал, что приеду позже.

Охранник поднял планшет и мазнул пальцем вверх по экрану.

– Имя?

Я назвал в надежде, что Лис решил этот вопрос. Если уж он создал для меня фальшивые награды с конкурсов, на

которых я не бывал, то и со списком наверняка разобрался.

– Такого имени нет. – Еще несколько движений пальцем по экрану. – Вы должны уйти.

Лицо охранника стало жестким – решил, я чокнутый фанат. Воцарилась тишина. Рассердившись на Лиса – ну что ему стоило! – я прибег к отчаянным мерам: запел первый куплет хита «Тэянг» «Океан любви».

Взгляд охранника невольно смягчился. В огромном холле голос резонировал так, что я и сам мурашками покрылся. Но стоило мне закончить петь, он покачал головой, будто стряхивал наваждение.

– Тебя нет в списке, остальное – не мое дело. Звякни тому, кто тебя пригласил. Скажи, что забыли внести.

Я несколько раз кивнул, попятился, а потом разбежался и, оттолкнувшись руками от опор турникета, перепрыгнул его. Вообще-то я не дохляк: годами таскал и резал продукты по двенадцать часов в день, тут любой накачается. Главное – не думать, какую дичь творишь. Кажется, резким броском я немного выбил себе плечо, зато ноги взметнулись в воздух, и я успешно приземлился по другую сторону турникета.

У охранника на поясе был шокер, это я сразу заметил, но он так оторопел от моей выходки, что потерял драгоценные секунды на удивление, и я бросился к лестнице.

– Стой! – предсказуемо крикнул он.

Но я, конечно, не остановился.

Лифты меня бы подвели – если они не на первом этаже,

охранник догонит, – поэтому я сразу бросился к лестнице. В кафе по телику недавно показывали фильм про гормоны, и там было сказано, что адреналин в минуты опасности придает нам невероятную силу. Вот сейчас я почувствовал это на себе: лестничные пролеты так мимо и мелькали. Только парочку этажей спустя я понял: здание высоченное, и откуда мне знать, на каком этаже кастинг? Я влетел на ближайший этаж, отчаянно озираясь. Расходящиеся в трех направлениях коридоры, одинаковые двери с номерами, кофейный аппарат и никаких прослушиваний – да что ж такое! По коридору навстречу мне шла женщина в офисной одежде. Я подбежал к ней и умоляюще выпалил:

– Здравствуйте! Где кастинг в «Тэянг»?

Ее усталое лицо осветилось слабой улыбкой, и я возблагодарил жизнь за то, что у «Тэянг» много фанатов. Мы все – большая семья, и у нас один общий секрет: парни, которых мы никогда не встречали, помогают нам преодолевать трудности собственной жизни. Дверь, ведущая с лестницы, распахнулась, и на этаж выскочил охранник. Он задыхался – похоже, нечасто ему приходится так бегать, – и я с мольбой глянул на женщину. Она молча толкнула меня в ближайший кабинет и шагнула следом, захлопнув дверь.

Мы помолчали, глядя на дверь, но по ту сторону было тихо. Кажется, еле живому от бега охраннику не хватило одной секунды, чтобы оглядеть все коридоры и заметить меня.

– Спасибо, – выдохнул я.

– Их самих я не видела, – тихо сказала женщина. У нее было круглое, немного помятое лицо с ярко накрашенными глазами. – Тут только продюсеры. Но если ты их увидишь, передашь записку Линхо?

Изысканного, стильного Линхо особенно любили за то, как он танцует. У него были танцевальные соло-фрагменты почти во всех клипах, он часто показывал видео своих тренировок и вечно пил коктейли из зеленых овощей. У меня он среди членов группы был на последнем месте. Женщина отступила к столу и торопливо нацарапала что-то на листочке с клейким краем, сложила его в несколько раз и двумя руками, как подают подарки, протянула мне.

– Обязательно передам, если увижу его. – Я уважительно принял записку двумя руками и сунул в карман.

– Шестой этаж, офис шестьсот двадцать семь, – сказала женщина и вдруг усмехнулась. – У нас в здании все, кажется, раз по десять мимо него прошли, вдруг их увидим. Ладно, идем, это не мой кабинет, Мира может вернуться.

В роскошном лифте с зеркальными стенами мы доехали до шестого этажа секунд за пять. Я прижал ладонь к карману, где лежала записка, глубоко поклонился и вышел.

Шестой этаж поразил мое воображение – или, точнее, то, что здесь происходило. Никаких тесных коридоров – широкие пространства, стеклянные переговорные, диваны тут и там. На диванах, уткнувшись в телефоны, сидело не менее трех десятков невероятно красивых парней. У меня аж серд-

це захолонуло – я решил, что «Тэянг» где-то среди них. Но мне тут же стало ясно, что стильные прически и покрашенные в разные цвета волосы не делают этих парней ребятами из «Тэянг». Хотя собрались они как раз для того, чтобы попасть в группу: у каждого на груди был стикер с номером. Каких только причесок тут не было! И длинные волосы, и яркие цвета, и выбритые виски. Я поправил огромную футболку из секонд-хенда и пальцами кое-как зачесал свои жесткие волосы назад.

Кастинг проходил не в стеклянной переговорной, а в офисе с настоящими стенами – оттуда как раз вышел парень с синим ирокезом.

– Номер сорок шесть, – объявила девушка с бейджем на шее, встав в дверном проеме.

Один из парней вскочил с дивана, но я оказался быстрее. Наплевав на приличия, проскользнул в дверь мимо девушки – и замер.



# Глава 4

## Добро пожаловать



За длинным столом сидели трое, и двоих я сразу узнал. Мужчина в дорогушках на вид очках – продюсер группы Хан

Бн Сок. Женщина в спортивной кепке и клетчатой мужской рубашке – хореограф. Она часто присутствовала на видео танцевальных репетиций «Тэянг». Как же странно смотреть вживую на тех, кого раньше видел только на экране! Оба выглядели более уставшими и серьезными, чем на видеозаписях. Свежее всех была женщина номер три – ухоженная, красивая, в белом пиджаке. Взгляды всех троих скользнули к моей груди, где не было стикера с номером.

– Сорок шесть – это я! – дрожащим от волнения голосом крикнул парень в дверях.

Девушка с бейджем, часто кланяясь, испуганно теснила меня к двери, но я обогнул ее и упрямо пошел к столу. Остановился перед ним и, стараясь не обращать внимания на мучительный ужас, от которого перехватило горло, запел.

Эту песню «Тэянг» я впервые услышал в тот год, когда мне исполнилось шестнадцать. Релиз был в декабре, я как раз получил работу в кафе, и «Не влюбляйся» постоянно звучала из телика, из кофеев, из проезжающих мимо машин.

*Давай не влюбляться,  
Мы же разные, ты и я,  
И мне не угнаться:  
Ты такая крутая, а я?*

Легенду о происхождении Кореи все знают, хотя она, если честно, довольно глупая: небесная фея пела о своей любви лавровому дереву, и от их союза зародились наши предки.

В тот момент, допевая куплет, я подумал, что Лис словно дал мне древний голос, великий, нечеловеческий – так пели древние существа, когда люди еще не заселили полуостров. Никто не прервал мое пение, не попытался меня выставить. Девушка с бейджем, трое за столом, даже парень номер сорок шесть – все замерли, слушая чистейшие ноты, которые ласкали слух нежно, как поцелуи.

– Вы кто? – спросил продюсер, когда я закончил. Он, единственный из всех, выглядел недовольным. – Уходите, у вас нет номера.

– Я не уйду, – с поразившей меня самой твердостью сказал я.

Продюсер уставился на меня так, будто никто никогда еще не смел ему перечить. Он был невероятно худым и высоким, с яркими темными глазами, – когда-то в юности он и сам отлично подошел бы внешностью для бойз-бэнда. Виски у него поседели, но он их не закрашивал, и это показалось мне очень стильным и смелым для человека из шоу-бизнеса. Словом, продюсер мне понравился, а вот я ему – нет.

– Уходите, – с нажимом повторил он. Похоже, для него красота голоса не компенсировала нарушения правил.

– Мой голос – лучший, – отчаянно выпалил я. – Простите за дерзость, но у меня есть предложение на сольный контракт от другого лейбла, мне нужно дать им ответ.

– Я вам не верю.

Щеки у меня вспыхнули от стыда. Какой пронизательный

человек! Но оставалось только гнуть свою линию. Проповеди о том, что с пути греха не свернуть, когда уже на него ступил, обожгли мою память, и я изо всех сил задвинул воспоминания подальше.

– Моего решения ждет лейбл, – без зазрения совести соврал я. – Я должен быть практичным, но выступать в группе всегда было моей мечтой.

Я глубоко, формально поклонился, прижав ладони к бедрам, чтобы смягчить свою дерзость. Только сейчас я заметил, что дверь в коридор закрыта: девушка с бейджем скрылась, прихватив парня с номером.

– Выйдите, – повторил продюсер.

Кажется, с наглостью я все же перегнул палку, но тут за меня вступилась красивая женщина в белом пиджаке.

– Ын Сок, – сказала она с упреком, – я такого фантастического голоса в жизни не слышала. – Она повернулась ко мне: – Где вы были раньше?

– Я доверяю твоему мнению, – сказал продюсер, не отводя от меня глаз. – Но в этот раз ты ошибаешься, парень ничего особенного из себя не представляет.

Похоже, он был по-настоящему зол, что я посмел ему возражать. Вот ухитрился же я с самого начала настроить против себя самого главного человека в группе!

– Как вас зовут? – ласково спросила госпожа в белом пиджаке.

– Ли Син Хён, – машинально ответил я.

Она тут же вытащила телефон, и я сообразил: она ищет меня в интернете. Я закусил губу от ужаса. Вот теперь меня точно выставят.

– Ну вот! – довольно воскликнула она. – Да, он не был стажером в продюсерских центрах, но какая карьера! Мне кажется, я даже слышала его имя. Он выиграл кучу вокальных конкурсов, причем один в Китае. И в Европе выступал! Потрясающе, что даже после перестройки голоса он сохранил такие вокальные данные! Ты вообще слышал, как он поет?

– Слышал. – Продюсер неласково посмотрел на меня. – Мы выставаем кандидатам баллы по четырем критериям: вокал, рэп, танец и внешность. Ваших видео мы не видели, внешность, если честно, не впечатляет. Покажите танец и рэп.

Ну, с рэпом я даже начинать не стал, чтобы не позориться. Танцы в стиле *k-pop* я одно время учил по видеоурокам в интернете и сейчас показал несколько движений. Все трое посмотрели на меня с жалостью.

– Мы теряем время, зовите следующего, – отрезал продюсер. – Нам что, до вечера тут сидеть?

Госпожа в белом пиджаке подошла ко мне, продолжая смотреть только на продюсера.

– Ын Сок, не пори горячку. Прежде всего, поверь мне как женщине: он симпатяга. Тут нет ничего, что нельзя исправить с помощью стилиста. И нос вполне приличный, даже резать не придется.

Ха, я знал, я так и думал, что все в шоу-бизнесе пластику делают!

Госпожа в пиджаке вдруг похлопала меня по щеке и широко улыбнулась. Я от такой фамильярности вытаращил глаза.

– Давай так, – сказала госпожа, бесстрашно глядя на продюсера. – Я позволю тебе его выгнать, если ты, не подглядывая в заметки, с ходу назовешь трех сегодняшних кандидатов, которые тебе понравились. Ну что ты молчишь? Мы сорок человек посмотрели! Люди поют, танцуют, читают рэп, и я тоже мало кого могу вспомнить. А его голос забыть невозможно. Я тебе уже говорила: не имеет смысла брать средненького кандидата с хорошими баллами по всем пунктам. Нужно что-то яркое, незабываемое для фанатов, а этого они точно полюбят. Пусть обсуждают, что он плохо танцует, – тем интереснее им будет следить за его преображением. Если хорошо потрудимся, за месяц подготовим к дебюту, уж на один танец его как-нибудь хватит. – Продюсер насупился, и госпожа резко закончила: – Мне нравится этот. Берем?

Да кто она такая, что может вот так говорить с самим Хан Ын Соком?! Женщина и продюсер смотрели друг на друга, как в тех фильмах, когда герои вот-вот начнут перестрелку. Я помалкивал. Три года работы с моим взрывным боссом научили меня тому, что есть моменты, когда лучшая стратегия – просто заткнуться.

И тут раздался голос женщины в кепке, которая до этого

не произнесла ни слова.

– Ну, он ужасен, конечно. Но голос – просто чума, я мурашками от кайфа покрылась. Еще и очаровашка, напористый такой. Как хореограф, я против него, он – бревно. Но как женщина – очень даже за. Ну и все, а то я уже весь зад себе отсидела. – Она встала, не глядя на продюсера, и хлопнула ладонями по столу. – Господин Хан, не тяните. Мы и так знаем, чем ваш спор закончится.

Продюсер сжал зубы. Благодаря боссу я научился кое-чему еще: различать малейшие изменения в мимике, особенно в том спектре, который представляет собой разные виды гнева. И продюсер сейчас был не просто зол, он был в лютой, едва сдерживаемой ярости.

– Это «да»? – медовым голосом спросила госпожа, хотя более громкого молчаливого «нет» я даже вообразить не мог. – Ну и отлично. Подавай документы генеральному, Ын Сок, а я отвезу парня.

Продюсер коротко глянул на меня и встал. Этот взгляд обещал, что я еще пожалею о своем приходе сюда. Но сейчас я был слишком ошарашен, чтобы думать об этом. Неужели получилось?! Не может быть! Продюсер распахнул дверь в коридор и ледяным тоном проговорил:

– Со Ён, кастинг окончен. Всех по домам.

Он вышел за дверь, женщина-хореограф подмигнула мне и ушла с ним. Мы остались одни с красивой госпожой. Она засмеялась, как девчонка, и постучала изящными кулачками

друг о друга.

– Ура-ура, да? Ну, поехали в учебный центр. Семья знает, что ты пошел сюда на кастинг? – Я помотал головой. – Тогда позвони им и скажи, что уехал на недельку и там связи не будет. Придумай что-то правдоподобное.

Я вытащил телефон и торопливо набрал маму. Все происходящее казалось нереальным, будто я в компьютерной игре, даже обрадоваться как следует не получалось.

– Мама, привет, – твердо сказал я, и у меня сжалось сердце, когда она нежно, как всегда, ответила мне. – Мам, меня тут пригласили на... на остров Чеджудо с концертом. Все оплатят, но звонить оттуда нельзя – там какое-то очень секретное мероприятие. Я тебя люблю и позвоню как только смогу, хорошо?

Лгать оказалось так просто, что мне стало тошно от самого себя. Секунду я ждал, что мама удивится: «Что ты несешь, Хён, какой концерт на Чеджудо?!» – но она лишь сказала:

– Хорошо, сынок. Ты молодец. Позвони, как сможешь.

Я нажал на отбой, и госпожа внезапно забрала у меня телефон. Я не сопротивлялся. Вся моя жизнь была связана с мамой, с заботой о ней, а сейчас эта жизнь закончилась так стремительно, и мне стало куда грустнее, чем я мог себе представить.

– Кому-то еще надо позвонить? – спросила госпожа в пиджаке так, что я почувствовал: «нет» – единственный верный ответ.

– Нет.

– Надо, чтоб ты пока ни с кем лишним не пересекался. Мы должны подумать, как подать тебя публике. Идем, надо тебя в порядок привести.

Из здания мы вышли через какой-то запасной выход, как шпионы. Госпожа посадила меня в роскошную тачку, села за руль и выехала с парковки. Я еще никогда так близко не видел женщину, которая сама бы водила машину.

– Госпожа, разрешите спросить? – решил я. – А вы... Кто?

Она с юмором глянула на меня:

– Много будешь знать, скоро состаришься. Но мне нравится, что ты такой дерзкий, для группы это то что нужно. Можешь звать меня Бао.

Она включила радио, и я понял: разговор окончен. Мы ехали на юг, я сидел на заднем сиденье очень прямо, чтобы не тереться лишний раз о роскошную обивку – машина была просто идеальная, нигде ни пылинки, ни пятнышка.

– Ты знаешь английский? – вдруг спросила Бао.

Я покачал головой. Врать смысла не имело, слишком легко проверить. Если бы ко мне однажды подошел белый турист и спросил дорогу, я бы испуганно тарасился на него, как персонаж какой-нибудь статьи под названием «Почему туристу в Сеуле лучше гулять только в центре и не ходить в район Мапо-гу».

Мы въехали на закрытую парковку красивого нового зда-

ния – так вот где штаб-квартира «Тэянг»! Точное место никогда не показывали в соцсетях, чтобы фанаты не дежурили там днями и ночами. Бао повела меня невыразительными коридорами, где пахло чистящим средством, приятным, как духи, и распахнула дверь комнаты. Я ошарашенно огляделся – красиво, как в отеле. Плотные шторы, бежевые обои, на полу – застеленный свежим бельем матрас, за дверью видна чистейшая ванная.

– Подготовили все для нового участника, – сказала госпожа, листая что-то в телефоне. – Вымойся и жди в халате, одежду тебе дадим новую. Я через полчаса за тобой вернусь. Но для начала выверни, пожалуйста, карманы.

Из карманов выпала только записка от женщины, спасшей меня от охранника.

– Это для Линхо, меня... меня попросили передать, – пролепетал я. – Это важно.

Госпожа развернула записку, прочла, хмыкнула и свернула обратно.

– Сам передашь.

Она осмотрела мои запястья, убедилась, что часов нет – я ведь мог с них кому-нибудь позвонить, – и ушла. А я вымылся, завернулся в огромный белоснежный халат и только тут сообразил: как же я узнаю, что прошло полчаса? Часов нигде не видно. Я прилег на матрас и застонал от наслаждения: какой же удобный! Ладно, услышу, когда дверь откроется, и тут же сяду. Я прикрыл глаза – и от всех потрясений

немедленно заснул. Проснулся с тяжелой головой, лучше бы и не спал. В воздухе витал приторно-сладкий запах дыма, я кое-как разлепил глаза – и уставился на парня, сидевшего на полу около моего матраса.

В огромной бледно-лиловой футболке и черных спортивных брюках, босой, он сидел и курил вейп, крепко сжимая его в кулаке. Он понял, что я проснулся, но даже бровью не повел. Не встал, не представился – продолжал сверлить меня неподвижным, как у ящерицы, взглядом и глубоко затягиваться ароматным паром. Мой взгляд невольно поднялся к потолку, где висел детектор дыма. Парень тоже туда посмотрел.

– Это реально все, что тебя в данной ситуации интересует? – смутно знакомым голосом спросил он. – Забей, на вейп они не реагируют.

Я приподнялся на локтях. Видимо, это какой-то местный работник. Как же с ним поздороваться: формально или достаточно обычного «привет»?

– Здравствуйте, – наконец выбрал я. Парень слегка нахмурился, и я торопливо исправился: – Привет. Добрый день. Я... – А вдруг мне нельзя говорить всем подряд, кто я? – ... Мне сказали ждать здесь.

На лице парня было написано, что он ждал какой-то другой реакции. Мы долго смотрели друг на друга. У меня в голове крутилась глупая мысль, что стрижка ему очень идет: прямая густая челка и выбритый затылок. Лицо у него было

самое обычное, даже не скажешь, что он в шоу-бизнесе работает: скулы широкие, глаза немного опухшие, уши торчат.

– Ты меня не узнал? – наконец спросил он.

Я виновато улыбнулся. Может, это какой-то помощник маркетолога или хореографа и он был на видео тренировок, но я его совершенно не помнил. Взгляд был отчего-то знакомый, но узнавание прокатилось по краю сознания и исчезло.

Парень склонил голову набок:

– Ты прикалываешься, козел?

Нельзя ссориться с работником продюсерского центра в первые минуты знакомства! Просто не буду признаваться, что смотрел все видео группы в соцсетях, тогда с меня взятки гладки. Я быстро сел на корточки и поклонился ему, сложив руки на коленях.

– Извини, – миролюбиво сказал я. – Я в последнее время так много работал, наверное, пропустил что-то. Ты... – Ладно, вдруг попаду пальцем в небо. – Ты хореограф?

Парень затянулся своей сигаретой так, что в ней что-то забулькало. Лицо его помрачнело, хотя, казалось, куда еще мрачнее.

– Ты пишешь песни для группы? – убитым голосом попытался я еще раз.

– Ну ты и чудик. Ладно, это будет забавно. – Он резко встал. – Слышал, ты своим пением всех уделал на прослушивании. Жду не дождусь репетиции.

В его голосе мне почудилась нотка не то угрозы, не то на-

смешки.

– Эй... – неуверенно начал я. – А ты давно тут? Бао сказала, что через полчаса вернется, но у меня... – Я бессильно всплеснул руками. – Часов нет.

Брови незнакомца поползли вверх.

– С чего это ты зовешь ее по имени?

– Она так велела.

– Дурдом какой-то. Сейчас придет, куда она денется. – Он смотрел на меня так, будто я не то оскорбил его, не то напугал. – До встречи, чудик.

Парень вышел за дверь, и я тут же вскочил. Оставшиеся пять минут до прихода Бао я крутился перед зеркалом, лихорадочно пытаюсь привести себя в порядок, чтобы лучше вписываться в местное общество. Мне не хотелось выглядеть, как «козел и чудик», поэтому я наскоро побрился одноразовым прибором, который нашел в шкафчике, умылся и зачесал назад волосы. На этом этапе Бао и вернулась.

Я выскочил ей навстречу из ванной и успел увидеть, как при входе в комнату ее лицо из приветливого стало недовольным.

– Ты тут курил? – Я замотал головой, но ее это не убедило. – Не ври, я чувствую запах! Отдай немедленно – курение тут строго запрещено.

Она сурово протянула ладонь в мою сторону. Проще всего было сказать, что ко мне приходил какой-то парень с вейпом, но, во-первых, это звучало как отмазка, во-вторых, я и так

произвел на парня отстойное впечатление, а судя по словам «до встречи», он выполняет тут какую-то важную работу и мы еще пересечемся. У него был такой острый, пронизывающий взгляд, что я не сомневался: он как-то узнает, если я на него нажалуюсь. Вот отстой!

– Госпожа Бао, простите меня. – Я опустил голову. – Такое не повторится. – Она продолжала протягивать руку в мою сторону, и я брякнул:

– У меня была одна сигарета. Я хранил ее для самого счастливого момента в жизни.

Меня снова царапнуло прямо по сердцу ощущением того, что я пошел по кривой дорожке: лгу в который раз за день и не краснею.

– Лучше не разочаровывай меня, – сурово сказала Бао и жестом позвала за собой. – Тебе повезло на кастинге, но я могу и передумать.

Я смиренно что-то пропыхтел.

Десять минут спустя я сидел в ярко освещенной комнате, похожей на парикмахерскую, а бритый наголо мужчина с пирсингом в носу меня разглядывал. Никогда не видел его в материалах о группе, но вел он себя как знаменитость, – я решил, что тут, видимо, так ведут себя все. Мне казалось, стилисты должны быть с ярким маникюром и стразами на лице, но этот был явно не из таких.

– Сделаю сам, никого не надо. Лишние люди – лишние уши, – сказал он и начал стричь мне волосы.

Оценить его работу я не мог – меня усадили подальше от зеркала. Закончив стрижку, бритый нанес мне на волосы какую-то мокрую смесь, подпилит ногти, больно выщипал в бровях лишние волоски и прилепил на лицо холодную листовую маску, пахнущую женьшенем. Госпожа Бао не уходила – сидела в кресле и быстро набирала что-то в телефоне.

Часа полтора спустя меня подвели к зеркалу. Вообще-то не так уж много во мне изменилось, но стрижка была отличная, волосы стали ярче и нестерпимо блестели. Они что, перекрасили меня из черного в черный? Прикольно!

– Очень круто, – сказал я, чтобы сделать приятное стилисту. – Благодарю вас, господин, вы замечательно потрудились.

Стилист хмыкнул.

– Да, понял тебя. – Он весело повернулся к Бао. – Макнэ из него что надо, четырнадцатилетние девочки с ума сойдут.

Макнэ, или младший, в любой группе всегда был самым милым, вежливым и славным из участников. Прошлый макнэ – Кибом – был именно такой. Ну, пока не впал в депрессию и...

– Одевайся. – Бао протянула мне стопку аккуратно сложенной одежды. – Мы выбрали тебе наряд для встречи с группой.

– Ой. – Я благодарно принял одежду двумя руками и сразу заметил, что мне даже трусы и носки выдали новые. – Простите, что не прихватил ничего своего. Надо было взять на

кастинг, да?

– Твоя одежда нам тут не нужна, – фыркнула она.

Я натянул белье и джинсы под халатом и только потом снял его. Бао со стилистом критически смотрели на мой торс, пока я торопливо натягивал футболку.

– Ну хотя бы не дохлятина, – констатировал стилист. – Мышцы есть, но килограммов пять сбросить надо.

Я удивленно глянул на него, шнуруя новые кроссовки. Чего-чего, а лишнего веса у меня точно не было.

– Сделаем, – сказала Бао. – Тело у него так себе, конечно. Плечи узкие, но одеждой компенсируем.

У меня невольно покраснели уши. Они все время говорили так, будто меня тут вообще нет, и это задевало. А еще очень хотелось есть, но я боялся признаться: не хотелось выглядеть капризным и требовательным.

Бао повела меня за собой, а я от голода даже не мог радоваться или волноваться в полную силу. Но мысли о еде сразу испарились, когда мы подошли к двери, за которой раздавались голоса. Я их сразу узнал.

Низкий, хрипловатый голос Джо, надменные высокие ноты Линхо, дерзкий и такой родной голос Пака. Похоже, они о чем-то спорили. Я что, сейчас правда встречу группу «Тэянг»? Пол начал медленно уходить у меня из-под ног, и я прямо пальцами сквозь кроссовки в него вцепился.

– Произведи хорошее впечатление, – сказала Бао, но это совсем не помогло мне успокоиться. – Немного позитивной

энергетики нам тут не повредит.

И она распахнула дверь.

Разговор тут же стих, все трое уставились на меня. Комната оказалась небольшим конференц-залом – стеклянный стол, флипчарт на стене. Я ошарашенно оглядел участников. Линхо, крутейший танцор и вокалист, смотрел на меня так, будто искренне желал мне провалиться сквозь землю прямо сейчас, по глазам мачо и рэпера Джо ничего прочесть было невозможно, а третий...

Мой взгляд снова заметался по комнате в поисках Пака, но его не было. Вместо Пака рядом с Джо стоял тот парень с вейпом, только сейчас – без вейпа. Он был все в той же лиловой футболке, руки засунуты глубоко в карманы спортивных брюк, а выражение лица ясно говорило: «Выкусил, козел? Я же говорил, что мы еще встретимся». Так дворовая шпана смотрит на неудачников, поджидая их в подворотне на пути из школы.

– Ребята, представляю вам нового участника! – преувеличенно бодро воскликнула Бао: кажется, она тоже почувствовала, что градус неприязни в конференц-зале с моим появлением взлетел до небес. – Это Ли Син Хён, фантастический вокалист. Ребят ты знаешь, Хён, но давай для порядка я вас представляю. Это Линхо, лидер группы.

Она показала на Линхо, который в ответ на мой поклон даже головы не наклонил. Холодной вежливостью в этой ситуации считалось бы слегка кивнуть. Его неподвижную позу

можно было прочесть только как «пропади пропадом, стори и исчезни».

– Это Джо, наш блистательный рэпер, – уже с некоторой опаской сказала Бао.

Джо слегка кивнул, а я с немым вопросом повернулся к третьему парню: да кто это вообще такой?!

– А это Пак, наш прекрасный вижурал, лицо группы.

Я уставился на парня номер три, в голове – одни ругательства и ни одной связной мысли. Тот с вызовом смотрел на меня.

Пять лет я каждый день любовался на Пак Ин Сона в своем телефоне, и это абсолютно точно был не он.



# Глава 5

## Фальшивка



Молчание затянулось настолько, что Бао встревоженно потерла руки.

Фальшивому Паку я не поклонился, просто таращился на него, пытаюсь сообразить, зачем меня так глупо разыгрыва-

ют. Может, стоило притвориться, что я им поверил, и посмотреть, что будет дальше. Еще накануне я бы так и поступил: ни во что не лезь, молчи, так безопаснее. Но Пак из «Тэянг» был для меня самым особенным человеком на свете. Его взгляд, его голос поддерживали меня, когда все казалось безнадежным, и поэтому...

– Где настоящий Пак? – спросил я.

– Хён, ты в порядке?

Как Бао ни старалась, чтобы это прозвучало заботливо, получилось что-то вроде «еще один промах, и вылетишь отсюда, как футбольный мяч».

Несмотря на это, я продолжил:

– Это не он. Зачем вы так?

– Он еще и поехавший. – Шепот Линхо в тишине прозвучал очень громко. – Везет нам, как всегда.

– Ли Син Хён, прекрати этот цирк, – не выдержала Бао. – Мы идем репетировать.

– Если ты нам не подойдешь, придется тебя убить, ты же нас видел, – философски протянул Линхо. – Нельзя после этого дать тебе разгуливать на свободе.

– Да хватит уже! – простонал Джо. – Мы должны были кофе выпить, подружиться и все такое – нам, вон, даже печенье принесли! И чего опять началось?

Посреди стола и правда стояла корзинка со сладостями.

– Кофе перед репетицией вредно, – огрызнулся Линхо, хотя на печенье глянул с жадностью голодающего. – Лад-

но, идемте. Сомневаюсь, что он реально поет, как Джон Ледженд, но уж давайте послушаем.

Меня обожгло обидой. Когда босс хотел меня за что-нибудь наказать, он отдавал приказы так, будто говорил с мебелью. Я уже не в кафе, а ничего не изменилось. Даже любимая группа надо мной потешается, еще и фальшивого Пака подсунули – небось подговорили какого-нибудь осветителя его изобразить!

– Чего завис? – сухо спросил Линхо. – С голосами в голове общаешься?

Не знаю, как так вышло: я всю жизнь здорово умел подавлять гнев, а тут от разочарования и голода прямо пробки вышибло. Я подошел к Линхо вплотную.

– Ты бы на меня не наезжал, – очень тихо, чтобы не услышала Бао, сказал я. – Я в кафе подрабатывал, по двенадцать часов с ножом в руке проводил.

Я сам похолодел от того, как ужасно это прозвучало. Линхо, и так всегда бледный, как реклама крема для отбеливания кожи, побледнел еще сильнее, фальшивый Пак рядом присвистнул, Джо устало сжал переносицу.

– А все, чего я беспокоюсь, – пробормотал Джо, не разжимая пальцы. – Группу не спасти, давайте ее прямо сегодня похороним? Линхо вон уже в черном, а новенький нам земли лопатой подбросит.

Бао, которая уже вышла в коридор, чтобы сопровождать нас в репетиционный зал, заглянула обратно.

– Вы скоро? – нежно спросила она, мечта взглядом молнии.

Псевдо-Пак сдвинулся с места первым и прошествовал за дверь, косясь на меня через плечо. Мы встретились глазами, и меня словно током ударило. Взгляд почти как у настоящего Пака. Может, это его некрасивый брат, которого позвали специально для розыгрыша? Хотя вообще-то я помнил: у Пака – две младшие сестры, которые вместе с родителями остались в Ульсане, после того как его выбрали столичные продюсеры на детском талант-шоу.

Я безнадежно оглядел своих кумиров. Линхо всегда казался мне самовлюбленным павлином, и надо же, таким и оказался. Рэпер в любой группе – всегда самый brutальный участник, бэд бой и мятежное дитя улиц, но Джо, несмотря на идеально подкачанные плечи, казался ленивым и вялым, будто его принесли сюда спящим и разбудили только перед моим приходом. О Паке лучше вообще не думать. Я вздохнул. Слова, что мечтам лучше оставаться мечтами, поскольку реальность разобьет их, как океанская волна, впервые в жизни перестали казаться мне тупой присказкой для неудачников.

Репетиционную студию «Тэянг» я часто видел в соцсетях, и все печали забылись, стоило мне переступить ее порог. Так чувствовал бы себя художник, оказавшись в студии знаменитого мастера, или фанат бадминтона, попавший в раздевалку самого Ко Сун Хьюна. В общем, вы поняли: мне захотелось пасть ниц и поцеловать пол, сфоткаться с барабанной

установкой, а потом показать эту фотку маме.

– Не буду вам мешать, – улыбнулась Бао. – Надеюсь, через часик вы уже споетесь и порадуете меня песней.

Что-то в ее голосе сказало мне, что это не пожелание, а приказ. Я поклонился. Когда за Бао закрылась дверь, воцарилась тишина, которой звукоизоляция на стенах придавала особо гробовую нотку.

– Бао сказала, ты – улетно крутой ребенок-гений, который вырос в гения-взрослого. – Линхо повернулся ко мне. – И откуда такой подарочек к нам прибыл?

Говорил он нагло, но с опаской, и держался от меня подальше: видимо, реально боялся, что я могу напасть. А я был слишком занят, чтобы бодаться с Линхо: ждал, когда настоящий Пак с криком «Сюрприз!» распахнет дверь.

– Давайте петь? – хитро предложил я, надеясь, что с самозванцем петь у нас не получится, и им придется объяснить, в чем дело.

Но возражать никто не стал. Парни разошлись по студии и начали возиться с микрофонами, а я струхнул, сообразив, что не умею тут ничем пользоваться. В микрофон я пел раза три за всю жизнь – в караоке. И я решил: немедленно поражу всех своим голосом, а с техникой буду потом разбираться.

Как на прослушивании, я затянул первый куплет «Не влюбляйся». Я уже немного привык к тому, какое впечатление теперь произвожу. Даже стараться не приходилось, голос сам все делал. Линхо и Джо слушали так, будто мое пение

обратило их в соляные столбы. Я представил, что Пак, когда явится, будет вот так же меня слушать, и покрылся мурашками.

Но тот, кого поставили его заменять, настороженно хмурился – получается, судя по нему и продюсеру, дар Лиса не всемогущ. Если ты кому-то сильно не нравишься, голос очаровывает его меньше, чем остальных. А вдруг я не понравлюсь фанатам группы и меня отсюда выгонят? Ладно, у меня есть время дождаться Пака, а потом хоть трава не расти. Занятый этими мыслями, я допел куплет.

– Улетно, – выдохнул Джо. – Ребят, мы спасены.

Линхо фыркнул, стараясь не показать, как впечатлен. Третий вообще не отреагировал – изучал меня еще пару секунд, потом отвернулся к синтезатору.

– Значит, поем «Не влюбляйся», – пренебрежительно сказал Линхо. – Он, похоже, хотя бы слова знает.

– У меня есть имя, – отрезал я, испуганный и разозленный отсутствием Пака: у меня внутри уже который раз запускался обратный отсчет до его появления, доходил до нуля и запускался снова. – Я – Ли Син Хён. Можешь звать меня просто Хён.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.